

ГЛАВА 1

Сор из избы соседа всегда намного интереснее грязи из собственной квартиры...

Я молча смотрел на элегантно одетую худую даму, а та, постучав пальцем по столу, спросила:

— Иван Павлович, вам ясно, куда я клоню?

— Более чем. Смею заверить, болтливость не является моей отличительной чертой, — отвечивал я.

— У вас прекрасные рекомендации, — протянула собеседница, — надеюсь, они заслуженны. Мы поняли друг друга?

— Конечно, Елизавета Матвеевна, — произнес я. — Разрешите удалиться?

— Ступайте, голубчик, — милостиво кивнула хозяйка дома. — Ужин, как всегда, в обычное время.

Я быстро покинул комнату, дошел до круглого холла, посередине которого возвышалась фигура рыцаря, и услышал справа картавый голосок:

— Теперь посмотрим налево... Перед вами портрет Андрея Винивитинова-Бельского, третьего сына Григория, прозванного Щедрым. Как видите, художник изобразил князя в окружении его любимых охотничьих собак...

Я втянул голову в плечи и поспешил вперед по широкому коридору, менее всего желая сталкиваться с толпой экскурсантов.

Не могу сказать, что Елизавета Матвеевна и все ее семейство вызывают у меня какие-то светлые чувства, но когда вспоминаю, в каких условиях живут Винивитиновы-Бельские, мне становится их жаль. Я бы давно сошел с ума в доме, по которому ходят толпы посторонних, беззастенчиво делают фотографии и в прямом смысле этого слова суют нос в твою тарелку с едой. Вчера, например, в столовую, несмотря на табличку на двери «Не входить, частная территория. В зону экскурсии помещение не включено», в обеденный зал вломилась парочка в грязных джинсах. Молодой человек живо стал щелкать мобильным телефоном, а его спутница подскочила к Елизавете Матвеевне, стоявшей возле буфета, дернула ее за волосы и одобрительно общилась:

— Витька, причесон-то настоящий!

Надо отдать должное даме — та лишь кашлянула и, как всегда, высокомерно-вежливо проронила:

— Вы случайно забрели на территорию, закрытую для посетителей.

— Бли-и-нн! — заорала девица, отпрыгивая в сторону. — Витька, это че, прикол? Обалдеть, восковая фигура разговаривает!

А хозяйка усадьбы ровным тоном сказала, обращаясь уже ко мне:

— Иван Павлович, сделайте любезность, объясните экскурсантам, что они находятся на частной, а не музейной половине дома, и проводите их к экспозиции восковых фигур под названием «Ужин в княжеском доме», расположенной в западной части.

Я распахнул входную дубовую дверь, украшенную затейливым орнаментом, со словами:

— Прошу вас. С удовольствием покажу дорогу.

Парочка не торопясь выплыла в коридор.

— Так эта тетка живая? — удивился парень.

— Вы сейчас встретились с владелицей поместья княгиней Елизаветой Винивитиновой-Бельской, — пояснил я. — Их сиятельство проверяла качество чистки столового серебра.

— Офигеть... А она че, мешком с песком прихлопнутая? Разговаривает дебилно... — подала голос девица.

— Закройся, Наташка! — приказал подружке спутник и взглянул на меня. — А вы, типа, того... тоже граф?

Я улыбнулся:

— Винивитинов-Бельский имел княжеский титул. Нет, я дворецкий.

— Ну, ваще, как в кино, — пробормотал парень. — Сфоткаетесь с нами? На билете написано, что всю мебель в доме снимать можно.

Надеюсь, теперь вам стало понятно, почему я не испытываю желания общаться с экскурсантами, которых водит по поместью Анфиса, младшая сестра Елизаветы Матвеевны. И, наверное, нужно объяснить, почему я, Иван Павлович Подушкин, служу дворецким.

Неделю назад мне позвонила Нора и нарочито весело сказала:

— Привет, Ваня. Это Элеонора Андреевна Родионова. Помнишь такую особу? Когда-то ты служил у нее личным секретарем.

— Надеюсь, вы пошутили, — улыбнулся я, — вас невозможно забыть.

— Можешь приехать? — тут же схватила, так сказать, коня за хвост Нора. — За час доберешься? Адрес запомнить или он еще не выветрился у тебя из головы?

Тихий внутренний голос шепнул мне: «Соври, что занят, уезжаешь из Москвы, улетаешь в Антарктиду, отправляешься на Марс и в ближайшие двести лет не вернешься в Россию. Не к добру этот звонок!» Но воспитание не позволило мне прислушаться к совету, и я ответил:

— Уже в пути!

Но, отсоединившись, тут же рассердился на себя.

Помнится, Антон Павлович Чехов писал, что он по капле выдавливал из себя раба. Не знаю, получилось ли у слишком рано ушедшего из жизни писателя завершить сей процесс, но у меня по этой части явно большие проблемы. Вот с какой, интересно, стати я бросился на зов Норы, даже не спросив, зачем ей понадобился бывший помощник? Ведь я более не работаю у нее, не получаю зарплату, не живу в ее просторных апартаментах, не катаюсь на выданной ею машине. Иван Павлович Подушкин самостоятельный человек, никому ничем не обязанный. Более того, в душе моей до сих пор нет-нет, да поднимет голову обида — Нора не очень-то красиво поступила со своим секретарем¹. Но вот поди ж ты,

¹ О том, как Иван Павлович и Элеонора поссорились, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Продюсер козьей морды», издательство «Эксмо».

едва услышал я голос госпожи Родионовой, как сработала старая привычка, и я тут же кинулся исполнять приказ бывшей работодательницы. Похоже, из меня раб не выдавится никогда, он пустил во мне глубокие корни и расцвел, как махровый пион на теплом солнышке.

К одному из несомненных достоинств Элеоноры относится ее черта сразу, без долгих предисловий, приступать к делу. Бизнесумен не тратит времени на длинные вступления. Вот и сейчас она обошлась без дежурных фраз о погоде, быстро сказала:

— Ваня, я знаю, что вела себя как дура, и ты имел полное право оскорбиться. Но, согласись, убежать из дома с бродячим цирком — это скорее свойственно подросткам, а тебе уже не двенадцать лет.

— В общем-то, вы правы, — согласился я, — но давайте вернемся к основной теме сегодняшней встречи. Зачем я вам понадобился?

— Сначала ответь на мои вопросы, — заявила Нора. — Где ты сейчас живешь?

— В небольшой квартире, — обтекаемо ответил я.

— Насколько я знаю, твоя однушка расположена на выселках, куда от центра добираться часа два, — хмыкнула бывшая хозяйка. — Из престижного центра, из прекрасных апартаментов ты попал в клоаку. Домработницу не держишь, сам готовишь, стираешь, убираешь.

— В двадцать первом веке вести хозяйство совсем не трудно, полно всякой техники и готовой еды, — пожал я плечами.

Но разве Нору остановишь? Она по менталитету

слон — надвигается на вас и давит копытами. Хотя, пардон, есть ли у слона копыта? Зоолог из меня никакой.

— Вместо новой дорогой иномарки, которой ты пользовался, служа у меня, ты рассекаешь по городу на убитой старой малолитражке. Кстати, где ты откопал этот автомобиль? Почему он украшен надписью «Мы вам покажем все»?

— Слоган действительно не очень удачный, — улыбнулся я. — Его придумали братья Морелли, с которыми я работал, покинув вас. Некоторое время назад их взяли в цирк дю Солей, и мы расстались. Я вернулся в Москву и поселился в квартире, которая принадлежит Энди Морелли. Денег за аренду он не берет, я оплачиваю коммунальные расходы и электричество. Небольшая машина циркачей теперь им не нужна и досталась мне в подарок. Буквы на капоте и заднем стекле я пытался стереть, но задача оказалась невыполнимой, поэтому я катаюсь так. Моя жизнь вполне устроена. А еще радуется, что у Энди, Антонио, Жозефины и Мары дела идут отлично — у них прекрасная зарплата, страховка и все условия для работы. Жаль, конечно, что я перестал общаться каждый день с Мими, она мой лучший друг, но ведь есть скайп, и мы часто созваниваемся. Правда, в цирке дю Солей нет животных, поэтому Мими переживает, что не выходит на арену. Но она не из тех, кто падает духом, и сейчас старательно осваивает профессию стилиста-гримера. Вроде у нее это хорошо получается.

— Извини, не поняла, — остановила меня

Нора. — Кто такая Мими? Ты же сказал, что в цирке дю Солей нет зверья, твоя подруга там не работает.

— Мими — обезьяна, ее не выпускают к зрителям, — пояснил я. — Она не исполняет номер, а гримирует Морелли.

Глаза Норы из миндалевидных стали круглыми:

— Мартышка? И ты с ней общаешься по скайпу?

— Понимаю ваше удивление, — вздохнул я, — вы знаете, что я не люблю пользоваться Интернетом. Но ради близкого друга пришлось поступиться принципами.

— Твоя макака умеет разговаривать? — подскочила Элеонора.

— Пока не научилась, но в скайпе есть функция обмена сообщениями, — пустился я в объяснения. — Мы смотрим друг на друга и пишем. Хотя я давно научился понимать Мими без слов. Но вы же меня позвали не для того, чтобы выяснить, какие отношения связывают нас с Мими?

Нора кашлянула:

— Нет. Я не подозревала, что ты скорешился с обезьяной. Ты случайно не взял себе в камердинеры медведя?

Я засмеялся:

— У Тихона непростой характер, у него нет ума и шарма Мими. Тиша вместе с Костей сейчас работает где-то в Сибири. Думаю, им там лучше, бурые медведи плохо переносят жару.

— Боже, спаси мой разум, медведь-таки тоже есть в его жизни... — пробормотала Нора. — И кто из них топтыгин? Константин?

— Нет, Тихон, — поправил я.

— Похоже, он пока не освоил скайп, — хихикнула бизнесвумен.

Я кивнул:

— Да, Тиша не из самых сообразительных.

Элеонора встала, скрестила руки на груди и произнесла целую речь:

— Ваня! Давай забудем про цирк и про твоих новых, немного странных приятелей. Я знаю, что ты работаешь редактором в захудалой газетенке «Мир глазами человека», правишь чужие статейки, получаешь три копейки. Слава богу, Николетта, твоя маменька, гостит сейчас в Америке у Коки. Зять последней переехал жить в США и прихватил с собой тещу. А вот крокодила Борю ему пришлось оставить — штатники не дали животному визу. Кока очень расстроилась, Борис ей нравился.

Я мысленно пожалел мужика — лучше бы консульская служба поступила наоборот: впустила в Нью-Йорк рептилию и оставила за бортом Коку.

— Интересно, как бы ты выкручивался, останься твоя маман в Москве? — продолжала Нора. — Твоего нынешнего заработка не хватит даже на триста граммов экологически чистого творога из Швеции, который обожает Николетта.

ГЛАВА 2

Я молча слушал бывшую хозяйку.

— Короче, тебе приходится унижаться в низко-сортном издании, пресмыкаться перед владельцем ничтожного листка за медяки. Может, вернешься ко мне?

— Спасибо за предложение, но нет, — твердо ответил я.

Элеонора сторбилась:

— Ваня, помоги, мне одной никак не справиться. Я ведь не предлагаю тебе вновь идти на оклад. Но, скажу откровенно, вместо тебя я так никого и не нашла. Иван, ты незаменим! Я слабая женщина, не способна без друга ворочать делами, страдаю депрессией, мигренью, да еще нога каждый день болит. Короче, измучилась я.

Элеонора достала из ящика стола батистовый носовой платок и принялась нервно мять его.

— Ванечка, не бросай старуху-инвалида!

Меня цапнула за сердце жалость:

— Ну что вы, Нора, как вы могли подумать, что я отвернусь от вас? Только свистните — и прибегу.

— Так уже свищу! — воскликнула она. — И в данном случае думаю скорее о тебе, чем о себе. Как только Людмила Оконцева объяснила мне суть вопроса, я, старая опытная кошка, мгновенно просекла ситуацию и одним прыжком поймала жирную мясистую мышь. Ну согласись, Ваня, лучше ведь пресмыкаться и унижаться за солидную сумму, чем за гроши. А еще лучше... В общем, я ей сразу заявила: «Уважаемая Людмила, не надо нам, известным детективам, ваших денег. Не возьмем с Иваном Павловичем ни гонорара, ни большой суммы на расходы, которые всегда возникают во время расследования. В качестве оплаты хотим квартиру площадью метров сто пятьдесят с хорошим ремонтом, причем неподалеку от того места, где живу я. У вас, владельци-

цы успешного риелторского бизнеса, не возникнет проблем при подборе жилплощади.

Нора ткнула пальцем в окно и спросила:

— Что ты там видишь?

— Шестиэтажное здание, — покорно ответил я. — Пару лет назад в нем были густонаселенные коммуналки, а потом кто-то их расселил и начал ремонт.

— Переоборудование особняка затеяла фирма, которой владеет Людмила, — тоном фокусника, достающего из шляпы кролика, объявила Нора. — Сейчас квартиры выставлены на продажу. Глянь, вон там, на последнем этаже, ряд окон — это твоё жильё, Ваня.

Я оторопел:

— Вы шутите?

— Ноябрь на дворе, день дураков уже прошёл, а до следующего ещё далеко, — хмыкнула Нора. — Нет, я говорю правду. В апартаментах спальня, кабинет, гостиная, объединенная с кухней, два холла, где ты можешь оборудовать библиотеку, и ещё пара санузлов, гардеробная, кладовая...

Я моргал в такт словам Элеоноры, та же продолжала вещать, как змей-искуситель:

— Бонусом идет садик на крыше, куда из квартиры есть выход, можно поставить там кресла, столик, диван. Ваня, ты больше не будешь скитаться по чужим углам, наконец-то соведешь своё гнездо. Ах, да, плюс к этому машино-место в подземном паркинге. Нравится? Если разрешишь, я буду иногда летом заглядывать к тебе в гости, у меня-то нет возможности посидеть на свежем воздухе.

Я откашлялся:

— Судя по вашему рассказу, квартира прекрасная. Но вы в курсе, сколько она стоит?

— Конечно, — заверила Нора. — Взамен нам всего-навсего потребуется найти того, кто убил Семена Кирилловича Винивитинова-Бельского, и можешь вселяться.

— Простите, кого? — не понял я.

— Согласен! — возликовала Элеонора. — Ваня, ты умница, принял правильное решение! Мы опять работаем вместе! Боже, как мне надоели идиоты, которые пытались заменить тебя... Слава тебе господи, Иван Павлович вернулся!

Я хотел возразить, что никогда не собирался возвращаться к работе частного сыщика, но неожиданно как-то само собой изо рта вылетело:

— Расскажите суть дела.

Элеонора села, прищурилась, на секунду став похожей на сытую, чрезвычайно довольную собой рысь, затем завела обстоятельное повествование.

...В начале двадцатых годов прошлого века, когда интеллигенция в массовом порядке пыталась уехать из советской России, в Москву совершенно неожиданно вернулся из Франции хорошо известный и почитаемый в Европе скульптор Алексей Винивитинов. Он искренне увлекся идеями марксизма и решил вместе с освобожденным пролетариатом строить коммунизм во всем мире. Алексей, талантливый, но бедный паренек, в конце девятнадцатого века уехал из России в Италию, получил там необходимое образование, перебрался в Париж, где вполне успешно ваял скульптуры и писал картины, которые расхваливали критики. К моменту принятия судьбоносного решения Винивитинов